

УДК 821.161.1–9 Газданов.09

Н. П. Евстафьева

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**«Человек с душой, сплетенной из грязи, нежности и грусти»:
Гайто Газданов о Василии Розанове**

Евстафьева Н. П. «Людина з душею, сплетеною з бруду, ніжності та смутку»: Гайто Газданов про Василя Розанова. Стаття відображає досвід прочитання есе Газданова «Міф про Розанова» в аспекті виявлення варіативності авторських стратегій обох представників літературного екзистенціалізму. Дисонанси газдановського тлумачення свідомості й долі Розанова пояснюються як наслідок рефлексії неприйняття вмирання, вираженої в критичному дискурсі Газданова мотивами осуду/виправдання калейдоскопічно роздіреного оповідного «Я» Розанова. Об'єктивне зближення художньо-філософських концепцій обох письменників зв'язується з об'єднуючими їх інтенціями затвердження позараціональної істини про світ і людину.

Ключові слова: деміфологізація, вмирання, авторська стратегія, потенційність, екзистенціалізм.

Евстафьева Н. П. «Человек с душой, сплетенной из грязи, нежности и грусти»: Гайто Газданов о Василии Розанове. Статья отражает опыт прочтения эссе Газданова «Миф о Розанове» в аспекте выявления вариативности авторских стратегий обоих представителей литературного экзистенциализма. Диссонансы газдановского истолкования сознания и судьбы Розанова объясняются как следствие рефлексии неприятия умирания, опредмеченной в критическом дискурсе Газданова мотивами осуждения/оправдания калейдоскопически дробящегося повествующего «Я» Розанова. Объективное сближение художественно-философских концепций обоих писателей связывается с объединяющими их интенциями утверждения внерациональной истины о мире и человеке.

Ключевые слова: демифологизация, умирание, авторская стратегия, потенциальность, экзистенциализм.

Yevstafieva N. P. “He’s a man with a soul, knitted from dirt, tenderness and sadness”: Gaito Gazdanov talks about Vasily Rozanov. An article portrays an experience from reading an essay “A Myth about Rozanov” by G. Gazdanov in the aspect of detection of the differences and variations of these both representatives of literature existentialism. Dissonances in Gazdanov’s interpretations of consciousness and fate of Rozanov can be explained as a result of reflection of rejection of dying, objectified in a critical discourse of Gazdanov with the motives of judgement/excuse of kaleidoscopically crushing “I” of Rozanov. An objective convergence of artistic and philosophical conceptions of both writers is connected with their common intentions of affirmation of out-rational truth about the world and a man.

Key words: demythologization, dying, author’s strategy, potentiality, existentialism.

Ессеїстика, публіцистика, критика, мемуарна проза справедливо признаються неотъемлемой метатекстуальной составляющей художественного мира писателя. Газданов же, работавший в жанрах «нехудожественной литературы» всю свою творческую жизнь, в том числе и как сотрудник литературной редакции на радио «Свобода», тем более не может быть понят вне самого пристального внимания к его литературно-критической и публицистической деятельности. В современном литературоведении наблюдается немалый интерес к дискурсивной прозе Газданова, но говорить о ее системном изучении пока еще рано. Содержание авторского сознания писателя, динамика его художественных стратегий отчетливо репрезентированы в литературной критике

Газданова, в том числе в его рецепции прозы

Розанова.

«Миф о Розанове» – один из ранних критических текстов Газданова, написанный, как свидетельствует его парижский архив, 22 октября 1929 года (2: 860), то есть практически одновременно с завершением работы молодого автора над первым его романом «Вечер у Клэр». Размышления Газданова о личности и творчестве Розанова начинаются с замечания о намеренном отказе от каких бы то ни было исследовательских установок. Причин тому называется две: утомительная ненужность практически всякого, как полагал Газданов, комментария к произведениям искусства, которые сами «говорят за себя», и – «большие трудности, так как нет более противоречивого писателя, чем Розанов...» (2: 719). Противоречивость Розанова Газданов связал с

«моментом» его «восприятельского понимания» и с неким особым качеством Розанова, «которое делает его не похожим ни на одного из писателей». Стратегия текстуализации субъективных впечатлений вместо логического анализа представлялась Газданову единственной возможностью демифологизировать личность Розанова и выявить истинную природу его сознания.

Свои впечатления от «Опавших листьев» и «Уединенного» Газданов характеризует как «непобедимое отвращение»: «... там есть множество вещей, которые не могут не покори́ть всякого, кто перелистает эти страницы», – замечает он. Категорически исключая из своих рассуждений интерес к собственно эстетическим достоинствам розановских текстов из-за их якобы отсутствия, высокую оценку обоих произведений самим Розановым Газданов объясняет так: «Думаю, что Розанов вообще искусство не очень любил – не искусство стилистическое, а искусство как таковое – и многое в нем не понимал» (2: 720). Столь эпатажное высказывание тем не менее поддерживается апелляцией его автора к опыту Льва Толстого и Герцена, что прежде всего позволяет ясно представить эстетические координаты самого Газданова. Как молодой писатель-экзистенциалист, он всецело сосредоточен на проблеме смерти и переживании человеком шока от «бытия-к-смерти». Розанову Газданов отказывает в понимании форм искусства, способных отобразить сложный внутреннего процесса творческой личности, соприкоснувшейся со смертью, о чем, по его мнению, свидетельствует цитата о Герцене из розановских «Опавших листьев»: «...никакой трагедии в душе... Утонули мать и сын. Можно бы с ума сойти и забыть, где чернильница. Он только написал «трагическое письмо» к Прудону» (3: 214). И далее, вспоминая описание автором «Былого и дум» своего пребывания в мертвецкой, «где в деревянных гробах лежали жертвы морской катастрофы», Газданов всецело сосредоточен на проблеме самообъясняющего сознания художника, совершенно, по его мнению, чуждого Розанову. Непререкаемый авторитет Льва Толстого еще более очевидно помогает Газданову в поиске аргументов, «оправдывающих» авторефлексию художника даже в самых трагических жизненных ситуациях. «Где-то в своих письмах, – замечает он, – Толстой произносит такую кощунственную и невероятную вещь; говоря о своей дочери, которая была почти в агонии и потом начала выздоравливать, он с сожалением отмечает начало этого выздоровления – сожалением, потому что когда она умирала, то выражение ее лица было важное и значительное – потом оно исчезло» (2: 720).

Цитируя далее неуставленный франкоязычный источник, содержащий самоанализ

неизвестного писателя, сквозь который рефреном проходит признание: «Не завидовать, а пожалеть нас надо...», Газданов уже концептуализирует мотив неизбежного «двоедушия» всякого истинного Творца. «Кажется, у него две души, одна – та, что замечает, объясняет, истолковывает каждое ощущение своей соседки – души природной, такой же, как у всех людей, – и он обречен жить, отражая свою жизнь и жизнь других, обречен наблюдать сам за собой – как он чувствует, действует, любит, думает, страдает, и никогда не страдать, не думать, не любить, не чувствовать, как все другие люди – искренне, открыто, просто, не анализируя себя после каждого признания или всхлипывания...» (2: 721). Этот мотив душевной раздвоенности художника оказывается более чем значимым в прозе Газданова вообще и в его «Мифе о Розанове» – в частности. Однако разработан он писателем в художественном и критическом дискурсах по-разному.

Так, «уличая» – посредством целого каскада цитат – Розанова во лжи, будто бы признаваемой и самим автором «Уединенного» и «Опавших листьев» («если я бываю правдив, то только по небрежности»), Газданов задается вопросом: «Но можно ли Розанова за это осуждать?» (2: 722). Интенция безусловного признания авторефлексии в опыте Л. Толстого, Герцена и всякого истинного художника парадоксально соединится в газдановской дискурсии с поиском и обоснованием мотивов осуждения/оправдания калейдоскопически дробящегося сознания творящего «Я» Розанова. Противоречивость сознания самого Газданова, проблематизирующего «внеморальность» Розанова, отчетливо обнаруживается на фоне «Вечера у Клэр». Практически одновременно с написанием романа, отражающего процесс бесконечного расщепления сознания повествующего субъекта, в регистре критических размышлений Газданов демонстрирует, как кажется, крайнюю ортодоксальность, невосприимчивость к самой сути повествовательных стратегий Розанова: «Я читаю «Опавшие листья». Я читаю о том, что литературу Розанов чувствует как штаны, что Гоголь идиот, что Толстой прожил глубоко пошлую жизнь, что Желябов дурак, что Герцен самодовольный гуляка, а он, Розанов, – *civis romanus*» (2: 723). Газданов почти презрительно предлагает не опускаться до осуждения Розанова: «На это можно не обратить внимания, – как мы не обращаем внимания на целые категории людей, профессиональная обязанность которых заключается в обливание ближнего помоями – фельетонистов, злободневных журналистов, как мы стараемся не обращать внимания на дурные запахи и на те гадости, которые иногда делаются перед нашими глазами» (2: 723). Явно не улавливая в Розанове его базового мировоззренческого представления о «потенциальности» мира, «о текучей и

становящейся природе сущего, о незавершенности и динамизме как приматах мироустройства» (1: 14), Газданов не только не понял розановский образ автора, «апеллирующего, – как свидетельствуют современные исследования, – к интуиции самопротиворечивой разноголосицы мира...» (1: 14), но и не заметил определенную близость розановской концепции бытия собственной аксиологии. Вместе с тем Газданов оказался чрезвычайно чуток к всеобъемлющей лирической эмоции Розанова, наиболее точно охарактеризованной самим автором «Опавших листьев» как «нежность и грусть» (3: 263).

Метафизическую природу «нежности и грусти» Розанова Газданов непосредственно связал с тем фактом, что «Розанов, это – настолько, насколько мы можем увидеть его в смертном тумане, – Розанов, это процесс умирания» (2: 723). В качестве аргумента им приводятся следующие цитаты из Розанова: «Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое» (3: 214), «Да. Смерть – это тоже религия» (3: 167). «И оттого, – говорит Газданов, – это так не похоже на все, что мы до сих пор видели» (2: 724). Необходимо учесть, что вся ранняя проза Газданова пронизана напряженным, а иногда и экстатическим переживанием неотвратимости смерти. Один из финальных эпизодов его романа «Полет» ясно показывает, в какой степени мировоззренческие и эстетические установки писателя оказались зависимы от преследовавшего его ощущения неотступности конца: «... во всяком творческом или созерцательном усилии есть утешительный момент призрачного или короткого удаления от той единственной и неопровержимой реальности, которую мы знаем и которая называется смерть. И ее постоянное присутствие всюду и во всем делает заранее бесполезными, мне кажется, попытки представить ежеминутно меняющуюся материю жизни как нечто, имеющее определенный смысл...» (2: 489). Однако, не разделяя крайнего нигилизма европейских экзистенциалистов и некоторых своих соотечественников, он, как известно, находил смысл индивидуального и общего бытия в стоическом путешествии по «беспощадному существованию». Позже, в романе «Призрак Александра Вольфа», Газданов даст еще более радикальный ответ на главный вызов философского и художественного экзистенциализма: «Нам дана жизнь с непременным условием храбро защищать ее до последнего дыхания» (2: 232). Перефразируя Розанова, можно сказать, что, по Газданову, жизнь – это тоже религия, тем более что он последовательно отрицал религиозное мировоззрение в традиционном его понимании. Сознание Газданова не могло не протестовать против эстетизации процесса перманентного

умирания. А именно так он понял творчество и жизненную позицию Розанова.

Газдановское истолкование одного из наиболее провокативных розановских высказываний – «Я сам «убеждения» менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими)» (3: 255) – свидетельствует о том, что процесс умирания Розанова осмыслен им как умирание с самого рождения: «Здесь перед нами всю жизнь умирает человек...», «... в жизни Розанова главный процесс был умирание, а остальное – это как бы аккомпанемент к нему». А потому: «и обвинять Розанова за то, что он менял убеждения, так же нелепо, как обвинять агонизирующего за то, что он нетактично себя ведет» (2: 724). Переводя тему убожества в модус сознания самого Газданова, вспомним, что один из персонажей «Вечера у Клэр» – умудренный жизнью дядя Виталий – наставляет юного Николая (alter ego автора) безапелляционным призывом: «...никогда не становись убежденным человеком, не делай выводов, не рассуждай и старайся быть как можно более простым» (2: 122). На вопрос, где для Газданова проходит граница между ложью и подвижностью сознания, способного существовать в резонансе с бытийным императивом, то есть вопреки обыденным догмам, ответил И. Сухих (4). Интерпретируя «Вечер у Клэр» как феноменологический роман, И. Сухих сосредоточен не столько на очевидном экзистенциальном аспекте газдановской картины мира, сколько на неразрывности в ней объекта и субъекта, что в конечном итоге позволяет ощутить сам процесс разворачивания полотна жизни, сопровождающийся авторскими прозрениями ее смыслов и ценностей. Обстоятельство очень важное и для уяснения парадоксов газдановского «Мифа о Розанове», поскольку розановский «смертный туман», по Газданову, почти полностью застигает онтологическую проекцию жизни, оставляя в поле зрения только процесс физического умирания и – как следствие – осознания человеком собственной ненужности. В подтверждение он обращается к эпизоду кончины Розанова в Сергиевом Посаде в 1919 году: «Умирает человек с душой, сплетенной из грязи, нежности и грусти, – пишет он. – И грустит, умирая, о зарезанной корове – совершенно так же, как протопоп Аввакум о своей курочке, – и почти в таких же выражениях ... – КОРМИЛА и ЗАРЕЗАЛИ...» (2: 729).

Разноголосицу ролевых повествующих субъектов Розанова Газданов сводит к архетипическому сюжету отречения от обреченного: «Я думаю, что каждый, в ком сильна жизнь, отвернулся бы от него и стал бы вспоминать что-нибудь далекое, не имеющее отношение к вопросу о смерти. Он не был бы прав или не прав – здесь такого вопроса быть не может. Но

единственное, что он мог бы сделать, это поступить именно таким образом. И как Каратаев остался сидеть под березой в ожидании расстрела один – и Пьер ушел от него, – так и Розанов остался умирать один. И этот закон об отречении от того, кто должен умереть, освящен еще и Евангелием: Петр три раза отрекся от Христа уже в то время, когда для Царя Иудейского был сколочен деревянный крест, на котором его распяли. И в тот момент, когда это происходило, прав был Петр, а не Иисус, потому что Петр остался жить, а Иисус умер» (2: 729).

Таким образом, пронзительный диссонанс газдановского истолкования сознания и судьбы Розанова возможно попытаться объяснить трудно увязываемыми эмоцией сострадания и рефлексией неприятия умирания. Газданов говорит о нелепости осуждения Розанова за перемену убеждений, за черносотенные статьи или ложь, поскольку тот всю жизнь умирал, «в то время как ему следовало жить» (2: 729). Для Газданова Розанов существовал вне

фундаментальной составляющей его художественно-философской стратегии – самопротиворечивого утверждения внерациональной истины о человеке. Провокативное поведенческое амплуа множественных повествующих субъектов Розанова не разрешилось в восприятии Газданова динамичной полифонической картиной действительности, отражающей сверхсубъектное единство, то есть единство онтологически возможного. Попытка же развенчания мифа о Розанове начинающим свой творческий путь Газдановым интересна и значительна не столько как отражение его субъективных, а значит, всегда спорных впечатлений, сколько как материал для изучения процессов сознания самого автора «Черных лебедей», «Гавайских гитар» и других произведений, в которых Газданов целиком сосредоточен на проблеме смерти в ее экзистенциалистской интерпретации.

Литература

1. Бабай П. М. Оповідь та жанр книг В. В. Розанова «Уединенное» та «Опавшие листья» : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.02 «Російська література» / П. М. Бабай. – Харків, 2004. – 16 с.
2. Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 1. Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки / Гайто Газданов. – М. : Эллис Лак, 2009. – 880 с.
3. Розанов В. В. О себе и жизни своей / В. В. Розанов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 876 с.
4. Сухих И. Клэр, Машенька, ностальгия / Игорь Сухих. – Звезда, 2003. – № 4. – С. 218 – 227.

УДК 821.161.2.091

О. І. Борзенко

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Олексій Петров і «київські змовники»

Борзенко О. І. Олексій Петров і «київські змовники». У статті досліджуються спогади О. Петрова про Кирило-Мефодіївське товариство. Мемуарист полемізує з іншим учасником цієї організації – М. Костомаровим. Він пропонує альтернативну версію давніх подій, у якій постає заручником обставин, жертвою нерозуміння й байдужості. У трактуванні свого життя О. Петров використав властиву романтизму практику переосмислення й уточнення біографічного матеріалу.

Ключові слова: біографія, спогади, полеміка, романтизм, романтичний герой.

Борзенко А. И. Алексей Петров и «киевские заговорщики». В статье исследуются воспоминания А. Петрова про Кирилло-Мефодиевское общество. Мемуарист полемизирует с другим участником этой организации – Н. Костомаровым. Он предлагает альтернативную версию прошедших событий, в которой сам предстает заложником обстоятельств, жертвой непонимания и безразличия. В трактовке своей жизни А. Петров использовал романтическую практику переосмысления и уточнения биографического материала.